

УДК 332.1
ББК 60.54

Ю.Н. Гладкий, И.Ю. Гладкий, И.П. Махова

О РИСКАХ ИСКУССТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЫ РОССИИ

Привлекается внимание к попыткам отдельных представителей либеральной экономической мысли подвергнуть радикальному изменению веками формировавшуюся урбанизированную среду России. Речь идет, в частности, об идее создания 10–15 мегалополисов, которые могли бы стать своеобразными «локомотивами» для продвижения отечественной экономики в «развитую рыночную среду». Отмечается, что положительная корреляция темпов экономического роста с удельным весом горожан, равно как и производительности труда, с плотностью городских поселений не является аксиоматической. Такая корреляция зависит от степени урбанизированности страны, ее размеров, природной специфики, хозяйственной освоенности, сложившейся сети городских поселений, уровня ее концентрации и неоднородности и т.д. Не только очень низкая, но и очень высокая плотность деловой активности, снижает показатели общей экономической эффективности. Высказывается точка зрения, что подобная трансформация урбанизированной среды России способна привести к «обезлюдиванию» и «запустыниванию» целых регионов страны.

Ключевые слова:

городская система, город-агломерация, город-«локомотив», мегалополис, теория полюсов и центров роста, фиски трансформации урбанизированной среды, урбанизация, урбанизированная среда.

Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О рисках искусственной трансформации урбанизированной среды России // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 1. – С. 109–114.

© Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Gladkiy43@rambler.ru

© Гладкий Игорь Юрьевич – доктор географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Gladkiy68@rambler.ru

© Махова Ирина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Mahova@herzen.spb.ru

Непрекращающиеся попытки ученых и властей внести элементы «здорового смысла» в формирование глобальной урбанизированной среды (в том числе мегалополисов) редко отличаются высокой эффективностью. По словам Ф. Осборна (бывшего председателя Британской ассоциации по планировке городов и сел), «ирония исторического развития городов заключается в том, что некоторые из самых благородных попыток устранить их недостатки в действительности не в состоянии помешать городам расти еще более беспорядочно» [16, с. 27]. Другой известный урбанист Дж. Уэрэйн (США) писал еще резче: «наступление на окружающую территорию... распространяется... наподобие ледника – бессмысленно и неутоми-

мо» [18, с. 217]. При этом все люди оказываются живущими уже «не в городах, не в деревнях, а в дикой местности; причем эта дикость не цельной или упорядоченной природы, а стандартизованной и беспорядочной цивилизации» [18, с. 217]. Удивительно и то, что главные тенденции развития урбанизированной среды не так уж сильно зависят от качества социальной среды – и в странах-«витринах» рыночной экономики, и на его периферии они отличаются поразительной схожестью.

Эта преамбула преследует лишь одну цель – напомнить читателю, что город как наглядная историческая форма обитания человека слишком многолик, многофункционален и... трудно управляем. По ассоциации с мыслью Л.Н. Гумилева о том, что

на мир можно смотреть из мышиной норы, с вершины холма и с высоты полета орла, можно сказать, что исследование урбанизации требует учета множества ее «срезов» и обязывает современных просчитывать результаты наших действий на многие поколения вперед, чтобы впоследствии не столкнуться с ошибками судьбоносного свойства.

Такие мысли приходят на ум при анализе продолжающихся попыток некоторых знаковых фигур в последние годы подвергнуть радикальному изменению веками формировавшуюся урбанизированную среду нашей страны. Последней попыткой такого рода можно считать идею создания крупных спутков городского населения, сформулированную на очередном Гайдаровском форуме в 2017 г. главой совета фонда Центра стратегических разработок, экс-министром финансов РФ А.А. Кудриным: «Мы должны создать на территории России, может быть, 10–15 городов-агломераций, – заявил оратор, – которые будут сопоставимы на Востоке с азиатскими городами, в Европе — с западными городами». <...> Нам нужно сегодня не только поддерживать регионы, а поддерживать города, которые станут центрами новых возможностей» [2].

Подобная точка зрения не отличается «свежестью». Несколькоими годами ранее, в 2012 г., подобные идеи высказывались нынешней главой Центрального банка РФ Э.С. Набиуллиной, пытавшейся осмыслить будущее малых городов и предлагавшей способствовать переселению жителей ввиду «неперспективности» селений [2]. А еще раньше, в начале 2000-х гг., инициатором «новой сборки» территорий России, с выделением тех же нескольких городов-агломераций (городов-«локомотивов», «девелоперов» – окон-переходников в глобальный рынок) выступил департамент регионального социально-экономического развития и территориального планирования бывшего Минрегиона РФ, возглавлявшийся Ю.А. Перельгиным, при идейной поддержке В. Княгинина, П. Щедровицкого и других известных сторонников неолиберального курса (см., в частности [7]).

В этой связи в пору вспомнить проводившуюся в СССР политику ликвидации «неперспективных» деревень («совершенствования» системы сельского расселения), узаконенную правительственным постановлением 1974 г., проект которого был подготовлен академиком Т.И. Заславской. (Лишь по российскому Нечерноземью в период с 1975 по 1980 гг. селению под-

лежали 170 тыс. сельских семей). И хотя в данном случае речь идет о сельской местности, эта крайне неудачная попытка «модернизировать» российское поселенческое пространство по некоему общему шаблону вошла в историю как незабываемый пример грубого, волюнтаристского вторжения в естественные процессы расселения людей. Власть исходила из того, что в «канун» построения коммунистического общества ликвидация «неперспективных» деревень ускорит снижение роли личного подсобного хозяйства в жизни крестьян и, напротив, повысит роль общественного хозяйства, и, кроме того, позволит регулировать миграционные процессы и, якобы, предупредит отъезд жителей из укрупненных сел и т.д.

Во главу угла в то время ставились дальнейшее огосударствление, централизация и концентрация сельского хозяйства – факторы, как известно, утратившие свое значение с началом формирования рыночных начал в российской экономике. Что же касается других факторов, то они считались побочными, второстепенными, не достойными учета, хотя именно за ними стояли коренные интересы жителей обреченных селений (в которых, кстати, оставались могилы родственников и другие сакральные места). Напомним, что запрограммированное укрепление роли «перспективных» сел фактически окончилось провалом, так как насильственное сселение ликвидируемых деревень не сопровождалось ожидавшимся притоком населения в «перспективные» деревни – люди выбирали более «достойные» места постоянного жительства, часто – город.

Трудно поверить, что инициаторы политики ликвидации «неперспективных» деревень имели смутное представление об экономических формах фермерского хозяйства в передовых странах Запада, об основных идеях аграрной реформы Столыпина (которые, кстати, не были оторванными от сферы духовной), связанных с созданием хуторских хозяйств и выделом крестьян на отруба, постепенным разрушением сельской общины и ставкой на формирование фермерских хозяйств, кредитованием крестьян и т.д. Известно, что они (в т.ч. Т.И. Заславская – весьма образованная женщина и, кстати, член исполнительного комитета Института Дж. Сороса «Открытое общество»), руководствовались утопическими решениями партии о необходимости ускорения прихода «светлого будущего». «Укрупнение» деревень проводилось на основе политических решений, принятых руководством СССР без действитель-

тельного рассмотрения *всех аспектов проблемы* (курсив наш – авторы) с привлечением не только широкого круга экспертов, но и собственно потенциальных переселенцев из небольших деревень в более крупные поселения» – справедливо отмечает в этой связи В.В. Никифоров [10, с. 7].

Целенаправленное формирование городских агломераций и мегалополисов (в отличие от институциональных преобразований) может рассматриваться лишь как один, *притом далеко не главный*, фактор модернизации российского пространства. Любая форма расселения, помимо других, выполняет пространственно-освоенческую функцию, которая в наиболее обширной по площади стране мира обретает геостратегический характер, тесно связанный с государственной безопасностью. Именно об этой функции почему-то постоянно забывают отечественные инициаторы «псевдоноваторских» идей о переселении граждан российского государства, часто спекулируя благими желаниями улучшения социальных условий жизни населения.

Оценка этих «эксцентричных» инициатив в области искусственной трансформации урбанизированной среды России уже была предпринята нами ранее [3–5]. В частности, отмечалось, что идеологи формирования крупнейших мегалополисов на территории страны и радикальной «перекройки» карты ее урбанизации не в состоянии дать убедительные ответы на следующие вопросы:

– какие конкретно ведомства, организации или частные лица будут финансировать подобную сверхдорогостоящую программу?

– что произойдет в том случае, если ожидаемый традиционный расчет на частно-государственное партнерство окажется фикцией из-за отсутствия элементарного интереса у частного капитала?

– как увязать идеи переселения людей с федеративным устройством российского государства (особенно в том случае, если выбор «окон-переходников» в глобальный рынок окажется неприемлемым региональным и этническим элитам)?

– в состоянии ли инициаторы «великого переселения» дать гарантии, что реализация проекта принесет обещаемые результаты? И каково обоснование надежности таких «гарантий»?

– не является ли программа «великого переселения» народов России неосознаваемой (или, не дай Бог, целенаправленной) акцией на *обезлюдение* и *запустынивание* ее территории?

– не будет ли запоздалым решением искать виновников в том случае, если произойдет гипотетическая фатальная поляризация России без развития с непредсказуемыми последствиями?

– не служит ли пропагандируемая идея создание гигантских городов «бледной копией» той «мегалополисной урбанизации», которую представители бывших западноевропейских метрополий в прошлом века безуспешно пытались осуществить в развивающихся странах?

– и, наконец, зачем надо было выдавать чужие идеи и мысли за собственные «концептуальные наработки», если существует известная теория «полюсов и центров роста» французских ученых Ф. Перру и Ж. Будвилля, которые, кстати, аккумулировали многие идеи предшественников, в частности, В. Кристаллера (автора теории центральных мест), Дж. Шумпетера и Т. Хэггерстрэнда о диффузии нововведений и т.д.?

Извлеченные из «старого сундука залежалые идеи» концепции «полюсов и центров роста» («поляризованного развития», «фокусов развития» и т.д.), не очень оправдавших себя даже в условиях крайней отсталости французских колоний в Африке, вряд ли могут быть применимы к российской конкретике в начале XXI столетия. Нынешнее состояние урбанизированной среды России имеет весьма отдаленное отношение к *причинам* сваливания российской экономики в депрессию, хотя причины замедления роста действительно лежат внутри страны, а не вне.

Они связаны не столько с абстрактным «несовершенством институциональных механизмов» и необходимостью проведения институциональных реформ (на что традиционно ссылаются либеральные экономисты, считающие «бесперспективным» и даже «вредным» (?) ускорение экономического роста в нынешних условиях), сколько с конкретной экономической политикой. Неугомонные «певцы экономической глобализации» больше рассуждают о беспристрастном суде, злоупотреблении силовыми и политическими предпочтениями, защите собственности и т.д. и т.п. «Но все это лежит вне сферы непосредственного управления экономикой, – отвечает им оппоненты. – Там, где французы вводили ограничения на экспорт капитала, американцы развивали рынок субфедеральных облигаций, японцы эксплуатировали целевое финансирование индустриальных отраслей, немцы создавали механизмы рефинансирования банковской системы, мы собираемся развивать независимый суд» [6, с. 18].

Никто не спорит: независимый суд – весьма важный инструмент в процессе поиска мер по стимулированию экономического роста, но делать из него «новый завет» мейнстрима мысли отечественных экономистов – значит пытаться внедрить в общественное сознание ложное целеполагание по выходу из депрессии. Но еще более далеки от острейших проблем национальной экономики идеи трансформации урбанизированной среды России, пропагандируемые А.Л. Кудриным и его единомышленниками. Инициировать «великое переселение» российских народов значительно легче, чем избавиться от «нефтяной иглы», скорректировать сверхжесткую бюджетную политику, покончить с хронически высокими процентными ставками и переукреплением рубля, пытаться возродить отечественное машиностроение и другие отрасли национальной экономики.

В контексте заданной темы важно подчеркнуть, что причинная взаимосвязь и взаимозависимость социального, экономического и духовного мало зависит от *величины городского пространства и численности населения мегалополиса*. И полагать, что от перемены местожительства граждан и укрупнения городов автоматически и радикально изменятся качественные параметры социальной и экономической среды всего государства, – значит пребывать в искреннем заблуждении, продемонстрировать не только незнание элементарных основ социологии, экономики и геоурбанистики, но и очевидных фактов, черпаемых из средств массовой информации. Разве, например, обилие крупнейших городских агломераций в Мексике привело к заметному росту социального благополучия горожан в этой стране, буму инноваций и т.д.?

Специалистам хорошо известна гипотеза Дж. Джекобса [13] о городах как источниках экономического роста и благополучия. Она многократно подтверждалась представителями региональной науки во многих странах: расчеты для Великобритании, Германии, Франции, Италии и Испании показали, что удвоение населения города приводило к повышению продуктивности экономики на 4,5% [11], для Японии – на 3,4% [15], для более широкой выборки развитых стран – 3–8% [17], или 6% [12]. Оценки агломерационных эффектов для предприятий, расположенных в странах с более низким уровнем урбанизации, демонстрируют еще более высокие показатели факторов производства – до 16% [5, с. 60].

Вместе с тем, положительная корреляция темпов экономического роста с удель-

ным весом горожан, равно как и производительности труда с людностью городского поселения отнюдь не является аксиомой. Такая корреляция зависит, прежде всего, от степени урбанизированности страны, ее размеров, природной специфики, хозяйственной освоенности, сложившейся сети городских поселений, уровня ее концентрации и неоднородности и т.д. Анализ моделей агломерационной экономики свидетельствует о так называемой «колоколообразной» связи пространственной концентрации с производительности труда. «Очень низкая, как и очень высокая плотность деловой активности, снижает показатели общей экономической эффективности [5, с. 67].

Иначе говоря, ни о какой линейной зависимости в данном случае речи идти не может. Известно, например, что анализ связи валового регионального продукта на душу населения и доли горожан (в том числе в России) обнаруживает весьма противоречивую зависимость между этими переменными. Инициаторы «сгона» населения России в несколько мегалополисов не утруждают себя анализом рисков, связанных с постепенным исчерпанием внешних ресурсов любой городской системы и образованием «экономических пустынь» в обширнейшей стране мира. Не надо быть «докой» ни в урбанистике, ни в экономике, чтобы придти к выводу о том, что у дисперсно организованной городской системы возможности эксплуатации агломерационной экономики заметно ограничены.

Многие авторы, исследующие теорию системы городов, структуру и эволюцию городских систем (начиная со знаковой работы Д. Хендерсона [14], опиравшегося на концепцию внешних эффектов А. Маршалла), констатируют ее несовершенство. Авторитетная представительница экономического «крыла» урбанистики, заведующая сектором Института экономики и организации промышленного производства СО РАН Е.А. Коломак, исследующая влияние городской системы на экономическое развитие субъектов РФ, пишет в этой связи: «Несмотря на рост интереса к вопросам урбанизации, теория системы городов пока не дала однозначных заключений об оптимальном размере и количестве городов в экономике [5, с. 61].

Так, в рамках экономической теории остается «туманным» действие эмпирической закономерности в урбанистике, связанной с двукратным превышением в людности крупнейшего города в любой стране над следующим по величине (закон

Цифра или правило «ранг–размер»). Ждет экономического обоснования и явление так называемой «дифференциальной урбанизации», когда динамика роста крупных городов, городов среднего размера и малых городов существенно меняется в зависимости от экономической эпохи, институциональных преобразований в стране и т.д. (этот аспект дифференциальной урбанизации применительно к российской конкретике основательно проанализирован географами Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем [9]).

Расчеты влияния урбанистических систем на экономическое развитие российских регионов, проведенные Коломак Е.А. с использованием метода регрессионного анализа [5], подтвердило наши выводы о том, что экономический ресурс ярко выраженной дисперсной урбанизации в России едва ли связан с ростом городского населения и концентрацией городской системы [5, с. 59]. В свете идей концепции «центр–периферия» «стагнация городской периферии может стать препятствием как для усвоения ею импульсов развития в будущем, так и для развития самого центра» [5, с. 68]. Нельзя не согласиться с мнением цитированного автора, что преобладание тех или иных экономических эффектов (в условиях несостоятельности теории системы городов!) в огромной мере зависит от пространственной специфики страны, от сложившейся системы территориальных связей, ее плотности и функций крупных городов.

Таким образом, риски реализации авантюристического проекта радикального изменения урбанизированной среды России связаны с неспросчитанностью (т.е., с явным завышением) ее экономического ресурса, тем более что процесс урбанизации у нас сопровождается серьезными противоречиями. Чрезмерный приток населения в Москву, Санкт-Петербург и другие города-«миллионники» привели к избыточному росту населения, которое они «переварить» не в состоянии. С известной долей условности можно утверждать даже о развитии некоторых форм «ложной урбанизации», когда развитие городской системы происходит не вследствие расши-

рения городских функций, а за счет населения, «выталакиваемого» из депрессивных и отстающих в развитии сельских территорий.

В этих условиях уверенность в положительном влиянии концентрации населения в ограниченном числе российских мегалополисов не подтверждается никакими вескими аргументами, зато негативное влияние на показатели развития регионов и страны в целом очевидно, особенно с учетом последующего «обезлюдивания» целых территорий, «стягивания» агломерациями на себя ограниченных ресурсов, а также имея в виду федеративное устройство России.

«Ресурс взаимодействия центра и периферии, – отмечает Е.А. Коломак, – оказывается значимее эффекта масштаба и агломерации. <...> Крупные городские центры имеют возможность обмениваться ресурсами развития с малыми и средними городами, снижать негативные эффекты конкуренции, окружающие территории, в свою очередь используют положительные импульсы развития городской экономики. Концентрация же ресурсов в одном центре негативно сказывается на экономическом развитии региона, лишая преимуществ маневра в размещении различных производств и гибкости в использовании экономик разного размера» [5, с. 71].

Колоссальное разнообразие природных, экономических, социальных, этнических, культурно-исторических, профессиональных условий на территории Российской Федерации обусловило формирование разнотипных урбанистических систем [1]. Их искусственная ломка в угоду творцам неоднозначно воспринимаемой экономической политики вряд ли принесет гарантированный положительный эффект государству. Последнему необходимы структурные реформы в экономике, а не «маниловские» рецепты, главное содержание которых – «не менять ничего» и слушать рекомендации МВФ.

Утешает одно: сентенции о насильственной трансформации городской среды России одиозных «мыслителей» от экономической науки носят рекомендательный характер и необязательны для исполнения.

Список литературы:

- [1] Аксенов К.Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России // Дисс. ... д. геогр. н. – Санкт-Петербург, СПбГУ, 2011. – 410 с.
- [2] Верхоянцев А. Великое переселение по методу Кудрина. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/164230/>

- [3] Гладкий Ю.Н. К вопросу об оптимизации межрегиональных пропорций в России: опасный разброс мнений // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов обществоведов. – 2014, № 3. – С. 41–50.
- [4] Гладкий Ю.Н. Об оптимизации межрегиональных пропорций в России // Общество. Среда. Развитие. – 2014, № 2. – С. 169–173.
- [5] Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О пространственных издержках рыночной урбанизации в России // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 4–9.
- [6] Гурова Т., Ивантер А., Фадеев В. Бесплодная схоластика // Эксперт. – 2014, № 9. – С. 16–22.
- [7] Княгинин В., Перельгин Ю. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе // Российское экспертное обозрение. – 2007, № 1–2. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.rusrev.ru
- [8] Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. – 2015, № 4. – С. 59–74.
- [9] Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория дифференциальной урбанизации и иерархия городов России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.
- [10] Никифоров В.В. Революция как мера некомпетентности элит. К столетию Великой Октябрьской социалистической революции // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 4. – С. 3–11.
- [11] Ciccone A. Agglomeration effects in Europe // European Economic Review. Vol. 46. – 2002, № 2. – P. 213–227.
- [12] Ciccone A., Hall R. Productivity and the density of economic activity // The American Economic Review. Vol. 86. – 1996, № 1. – P. 54–70.
- [13] Jacobs J. The Economy of Cities. – New York: Vintage, 1969. – 288 p.
- [14] Henderson J.V. The Size and Types of Cities // The American Economic Review. Vol. 64. – 1974, № 4. – P. 640–656.
- [15] Nakamura R. Agglomeration economies in urban manufacturing industries: a case of Japanese cities // Journal of Urban Economics. Vol. 4. – 1985, № 1. – P. 108–124.
- [16] Osborn F.J. The Garden-City movement a revaluation // The Journal of the Town Planning Institute. Vol. XXXI. – 1945, № 6. – P. 27–41.
- [17] Rosental S., Strange W. Evidence of the nature and sources of agglomeration economies // Handbook of regional and urban economics. – 2004, vol. 4. – P. 2119–2171.
- [18] Wehrwein G.S. “The rural-urban fringe” // Economic Geography. Vol. 18. – 1942, № 3. – P. 217–228.